

Глава 8. Виэн (часть 8)

— Ты действительно намерен докапываться до конца, Ансель? Это ведь непросто, среди них двое еще не достигли четырнадцати лет...

Что, какое еще четырнадцатилетние...

— Я остаюсь при своем мнении: это тяжкое преступление, и спустить его на тормозах нельзя. Если вы не можете предложить мне разумного решения, Касмай, мой особняк больше не гость для вас...

Голос Анселя звучал откуда-то издалека, сдавленно, с нотками гнева — совсем не так, как его обычная мягкость.

— Не называй меня так, Ансель...

Виэн резко сел, свесился с кровати и его вырвало.

— Виэн. — Голос Анселя внезапно раздался прямо над ухом. Он протянул руку, обнял Виэна за плечи, легко погладил по спине и мягко произвел: — Прости, мы разбудили тебя.

Разыгравшийся в комнате очаг пылал вовсю, и температура поднялась до летней жары.

Затуманенное зрение Виэна постепенно прояснилось, и он наконец разглядел двоих людей у постели.

— Уильям! — Голос Анселя звучал беспомощно.

— Мм. У нас в городе слишком много беспризорников, и с ними разбираются при первом же обнаружении. Ты что, собираешься просить за них? Почему? — Голос Анселя слегка повысился, но остался мягким. — А знаешь что? Уильям говорит, что на той вывеске торчал деревянный гвоздь, и если бы он отклонился еще на два сантиметра, ты бы сейчас валялся не в моих объятиях, а в объятиях Господа.

Ансель спохватился:

— Среди них случайно нет тех, кого ты знаешь?

— Ладно-ладно, я молчу. — Уильям поднял обе руки в знак капитуляции. — Отдыхай, я пойду наружу, если что понадобится — зови. — Он пожал плечами, и в его синих глазах, глядевших на хозяина и слугу, в циничном взгляде впервые пролегла легкая дымка печали.

— Иными словами, двое слишком малы и оказались беспризорниками, поэтому их определили в приют в принудительном порядке, а остальных заперли за грабеж и драку.

Уильям вышел и прикрыл за собой дверь. В комнате остались только они вдвоем.

— Ну надо же, проснулся. Не проснись ты, твой хозяин выставил бы меня вон. — Уильям,

похоже, тоже с облегчением выдохнул, подошел ближе и коснулся огромной ладонью вспотевшего лица Виэна. — Обрадую тебя: все, кто с тобой дрался, схвачены. Ты единственный остался на свободе. Ты победил.

— Тошнит. — Виэн сделал глоток воды, тяжело вздохнул и донельзя измученный просто сдался, позволив себе прислониться к чужой груди. Лицо его прижалось к ткани рубашки, под которой ровно и мощно стучало сердце.

Только сейчас Виэн заметил, что все еще сидит в чьих-то объятиях. Он смущенно шевельнулся, но Ансель уже поднес к его губам чашку с водой:

— Головная боль прошла? Кажется, у тебя легкое сотрясение.

Уильям стоял у кровати в черной рубашке с распущенными рыжими волосами, беспомощно уперев руки в боки. В отличие от угрюмого вида в военном мундире, в повседневной одежде он выглядел благородно и лихо.

Рука Анселя невольно сжалась. Ему до сих пор было страшно: когда он увидел Виэна на руках у Уильяма, ему на мгновение показалось, что у этого бледного юноши с закрытыми глазами кожа становится совсем прозрачной, после чего он просто растает мыльным пузырем под лучами солнца.

Виэн слышал от Карло о приютах — перед тем как попасть в особняк, он сам чуть не угодил туда. Если Броуна забрали в приют, неужели матушка Лайру больше никогда его не увидит?

— Ну так вырви. Знаю, тошнить — это мучительно, но станет легче, когда все выйдет. — Носком туфли Ансель пододвинул чистый железный тазы с пола, качнулся ближе — Виэн подумал, что тот хочет отстранить его, но нет, Ансель просто сменил позу на более удобную и бережно обнял Виэна за талию обеими руками.

Виэн хотел было отрицать, но понимал, что от Анселя ничего не скроешь, поэтому лишь кивнул и с тревожной поспешностью спросил:

— Если кого-то забирают в приют, уже ничего нельзя сделать?

— Молодой господин. — Чуть охрипшим голосом произнес Виэн.

Ансель опустил голову, вглядываясь в него с сосредоточенным вниманием, и тихо промычал:

— Мм?

Виэн натянуто улыбнулся. Быть может, он глупее, чем в прошлой жизни, но он совершенно перестал понимать, о чем думает этот мягкий мужчина.

— Разве что их родственники предъявят официальные бумаги, но тогда придется отвечать по всей строгости опекунам, иначе заберут всех подряд. Что до учебы — в некоторые частные школы можно поступить, просто внеся плату.

Ансель сидел на краю его постели; светлые волосы были собраны высоко на затылке, верхние

пуговицы рубашки расстегнуты, обнажая гладкие ключицы, а рукава закатаны до локтей. Он выглядел собранным и свежим.

Виэн выглядел потрясенным и заикался:

— Разве среди них не было тех, кто ходит в школу? Почему их отправили в приют? Я к тому, что если у них все-таки есть родные, просто нет прописки...

— Что имел в виду тот благородный господин?

Это заставило его вспомнить самую первую встречу с Виэном под пятнистой тенью деревьев — то прекрасное видение с мерцающими слезинками на щеках.

Он никогда прежде не встречал таких людей, как Виэн: внешне неуклюжий и безрассудный, уверенный и пылкий, но в самой сути своей отрешенный и неуловимый. Порой, замечая Виэна в одиночестве за бесцельным раздумьем, он ловил себя на чувстве, будто те зеленые глаза — это окна из цветного стекла, за которыми холодным взглядом смотрит наружу чистая, светящаяся душа.

— Ан... — пока он пребывал в задумчивости, сбитый с толку Виэн в объятиях Уильяма издал тихий бред. Ансель перехватил Виэна из рук Уильяма. Почувствовав знакомое тепло, Виэн слегка разгладил брови и еще глубже уткнулся лицом ему в грудь.

— Ансель? Вы... — Уильям вытаращил глаза, но тут же заметил на лице Анселя точно такое же ошеломленное и растерянное выражение.

Кости на запястье Анселя больно впились в бок Виэна, продолжая бессознательно сжиматься. Виэн тихонько застонал от боли и шевельнулся. Ансель мгновенно пришел в себя и разжал руки.

Виэн подумал, что тот сердится, и виновато похлопал его по тыльной стороне ладони:

— Больше не буду спрашивать, не буду.

Ансель, казалось, не слышал его, погруженный в оцепенение. Спустя мгновение он неуверенно спросил:

— Можешь сказать мне, кто такой этот Ан?

— Какой... Ан... — Виэн остолбенел, в его зеленых глазах плескались растерянность и страх. У него появилось дурное предчувствие.

— Тот, чье имя ты звал во сне. — Ансель опустил глаза, чувствуя себя донельзя глупо — прямо как те болтливые праздные сплетники на чаепитиях, но сдержаться он не мог.

Виэн зашевелил губами, судорожно сглотнул, его зрачки дрожали, но голос пропал. Он вспомнил, как в прошлой жизни граф Хиггинс перед расставанием бросил ему:

— Хотя мы и использовали друг друга ради выгоды, Виви, я все равно не могу смириться с тем, что в те редкие нежные минуты, когда мы засыпаем в объятиях друг друга после всего, ты бормочешь имя другого мужчины.

— Быть не может. Скажи мне, чье имя я якобы перепутал? — Виэн тогда жутко обиделся, решив, что тот просто ищет повод придраться.

Но граф лишь горько усмехнулся и принялся вытаскивать из шкафа всю одежду Виэна, швыряя ее на пол:

— Если бы ты сам не знал, стал бы я тебе говорить? Чтобы ты наконец понял свое сердце и ушел к нему, да?

Он с грохотом вывалил на ковер перед ногами Виэна целую шкатулку с драгоценностями, и голос его прозвучал холодно и надменно:

— Я же говорил, что люблю тебя, Виэн. Но я не настолько благороден, чтобы помогать мужчине, которому завидую.

Тогда он перебрал в уме множество имен, но спасовал лишь при мысли об Анселе.

Им оказался... Ансель!

Виэн нашел себя невероятно нелепым и смешным. Что за ярмарку тщеславия он устраивал в прошлой жизни? Мало того, что он растоптал себя, так еще и осквернил имя Анселя.

— Он твой двоюродный брат? — тихо спросил Ансель.

Двоюродный брат? Виэн понятия не имел, с чего Ансель взял про двоюродного брата, но тот явно заблуждался.

Он жаждал объясниться, но от сильного волнения заикался еще сильнее. Его лицо густо покраснело, а глаза, которые Ансель сравнивал с окошками из цветного стекла, под поволокой слез подернулись влажной дымкой. Ансель приподнял его подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза; его собственный взгляд был глубоким, а дыхание замедлилось, но Виэн чувствовал, как сердце в груди мужчины бьется все чаще и чаще, норовя выпрыгнуть наружу.

Тук.

У двери раздался стук.

Это был условный знак между Анселем и Уильямом: всякий раз, когда родители кого-то из них наведывались с визитом, они подавали такой сигнал.

Выражение лица Анселя мгновенно разгладилось. Он тихонько цыкнул на Виэна, приложив палец к губам, непринужденно уложил его обратно на кровать, после чего отошел в ножную часть постели и принялся неторопливо расправлять одежду.

Стоило ему застегнуть самую верхнюю пуговицу, как дверь отворилась.

Высокая, элегантная и смертельно уставшая баронесса вошла в комнату, прикрывая нижнюю часть лица веером, а за ней семенила молодая девица в наряде знатной барышни.

— Братец Виэн! — Едва завидев Виэна, девочка с радостным воплем бросилась к его постели. — Дейл так боится смотреть на больных людей! Больные становятся такими некрасивыми, и от них дурно пахнет. — Дейл неуклюже скопировала изысканное сморщенное носик столичных барышень.

— Виэн не болен, он просто ранен. — Испугавшись, что слова Дейл заденут Виэна, Ансель поспешно вмешался.

— Дейл знает, и братец Виэн вовсе не стал некрасивым. — Девочка весело захихикала, обеими руками подхватив огромный розовый бант на груди, и заболтала ногами в воздухе, словно ожившая кукла в натуральную величину.

Виэн мягко улыбнулся Дейл, бросив тревожный взгляд на Анселя и баронессу.

— Почему ты торчишь здесь вместо того, чтобы заниматься книгами? — Баронесса бросила косой взгляд на покорно стоявшего за ее спиной Уильяма. — И даже заставил Уильяма стоять на страже?

— Мы как раз обсуждали, как уладить оставшиеся дела, матушка. Вы почему здесь?

Баронесса фыркнула, словно не в силах выносить затхлый запах старой гостевой комнаты, и, развернувшись, махнула рукой:

— Я привела Дейл. И чего тут обсуждать? По мне так вздернуть их всех на реях! — Опомнившись, она, видимо, сочла свои слова слишком суровыми, поджала губы и смягчила тон: — ...Выйди со мной.

Виэн нервно скомкал простыню в кулаке, но вовремя заметил, как Ансель, дойдя до двери, обернулся и ободряюще подмигнул ему.

Наступила ночь. Виэн уже собирался уснуть, как дверь тихонько приотворилась.

Настороженно глянув в проход, Виэн увидел Анселя, который стоял на пороге с мягкой улыбкой.

— Можно войти?

— Конечно. — Лицо Виэна вмиг просветлело, и он подвинулся ближе к стене, освобождая место. Ансель присел на край кровати.

— Вы... вы чего опять пришли? Разве не боитесь, что госпожа снова станет упрекать вас? — В голосе Виэна слышался упрек, но в то же время в нем не укрылось дикое, невыразимое удивление.

— Я пришел не сам. — Ансель покачал головой и вытащил из-за пазухи небольшого белого котенка. — Это Жемчужинка соскучилась по тебе, а я просто за компанию.

Виэн подхватил Жемчужинку и зарылся лицом в мягкую шерстку котенка, глядя на Анселя из-за него одними лучистыми, согнувшимися в полумесяцы глазами:

— Получается, завтра ко мне захочет заглянуть Шенов?

Шенов было кличкой коня Анселя.

Ансель умолк и ничего не ответил.

— Что такое? — Виэн протянул руку и помахал ладонью перед его лицом.

— Виэн. — Ансель перехватил его руку, нежно сжал пальцы и улыбнулся: — Это так странно.

От его пальцев веяло уличным холодом, и Виэну на мгновение захотелось отпрянуть.

— Шенов — это русское имя, я сам его так назвал. Матушка не любит русский язык, поэтому в особняке его все зовут Питом.

<http://bllate.org/book/24921/2948978>